

Хэ Е внезапно поднялся, прервав его на полуслове. Его высокая фигура в полумраке давила на Гао Цзюня, не давая вздохнуть.

— Не спеши.

Тон Хэ Е резко изменился: от ярости не осталось и следа, сменившись издевкой. Эта перемена произошла так быстро, что Гао Цзюнь растерялся.

— Хочешь что-то сказать? Для начала встань на колени. Прямо на осколки той чашки, которую ты разбил.

Гао Цзюнь вздрогнул, словно впервые видел этого человека.

— Что ты сказал? На колени? Ты, должно быть, шутишь?

Это было совершенно абсурдно. Подумаешь, потратил немного денег, стоит ли из-за этого так кипятиться? В последнее время он вокруг него на цыпочках ходил, как слуга, а теперь из-за каких-то грошей требует встать на колени? Когда он давал ему карту, он не говорил, что тратить деньги нельзя!

Глухой удар!

Гао Цзюнь не успел опомниться, как Хэ Е с силой прижал его к полу. Правое колено угодило прямо на острый осколок фарфора, пронзив ногу острой болью.

Он был в ужасе. В неверном свете лампы его законный супруг возвышался над ним, словно исполин. Лица было не разглядеть, но Гао Цзюнь кожей чувствовал исходящее от него высокомерие и вседозволенность. Тот смотрел на него так, как сытый домашний кот смотрит на вороватую мышь.

Телевизор продолжал что-то вещать, и в мерцающем свете тени за спиной Хэ Е казались зловещими, словно невидимые призрачные когти тянулись из темноты. По виску Гао Цзюня стекал холодный пот. Никогда в жизни он не испытывал такого всепоглощающего, первобытного страха.

В ином измерении, недоступном для человеческих глаз, кружилась Мока, издавая резкие, похожие на механический скрежет звуки:

— Хозяин! 222 очка! Темная энергия в страхе Гао Цзюня продолжает расти!

Хэ Е не стал забирать всё сразу, лишь слегка подпитал атмосферу крохотной частицей темной энергии. Он с интересом наблюдал за Гао Цзюнем, ожидая реакции. Взбунтуется? Или покорно унизится? В любом случае, у него были припасены методы на оба случая.

Но чего он никак не ожидал, так это того, что Гао Цзюнь закатит глаза и эффектно потеряет сознание.

Источник темной энергии иссяк. Мока замерла, тихо подлетела к боку Хэ Е и послушно застыла.

Хэ Е с раздражением бросил на нее взгляд:

— Трус!

Неизвестно, кого именно он имел в виду — Моку или Гао Цзюня.

В обмороке Гао Цзюня мучили кошмары. Они были однотипными: он пытается угодить Ли Цзихэну, но тот внезапно разевает пасть, полную крови, и впивается ему в горло, разбрызгивая вокруг кровавые ошметки.

Проснувшись, он долго не мог прийти в себя. Стоило ему оказаться рядом с Ли Цзихэном, как кошмарные образы всплывали в памяти с пугающей четкостью. Каждый раз, видя угрюмое, недовольное лицо супруга, он чувствовал, как внутри все леденеет.

Мысль о разводе вернулась с новой силой. Денег было не так много, но с приложением Деньги пришли, плюс те 300 тысяч, что он отдал отцу, да мелкие доходы за последнее время, да деньги на хозяйство от Ли Цзихэна — в сумме набегал миллион. Если вложить эти деньги в приложение, ежемесячный бонус составлял целых 30 тысяч! Меньше чем за два года он смог бы погасить все долги! А после развода, глядишь, еще и компенсацию отсудит.

Гао Цзюнь возбуждался от этих мыслей. Ему уже виделась новая, прекрасная жизнь, полная свободы.

Под тяжелым гнетом Хэ Е Гао Цзюнь два дня притворялся тише воды, ниже травы, но больше не мог терпеть. Как только Хэ Е ушел на работу, он в спешке поехал в квартиру отца.

— Папа! — с порога радостно крикнул Гао Цзюнь.

Ответа не последовало. Он удивился, решив, что отец ушел на собрание, но из спальни доносились шорохи. Он распахнул дверь: на кровати лежал бугорок. Отец завернулся в одеяло с головой.

— Пап... — Гао Цзюнь позвал пару раз, но тишина. Он подошел и рывком сдернул одеяло.

Перед ним предстало опухшее, постаревшее лицо. Глаза заплакали, нос покраснел, а рядом валялась целая гора использованных салфеток.

— Что с тобой?! — Гао Цзюнь был шокирован.

Отец Гао редко позволял себе такую слабость. Последний раз он видел его в таком состоянии вскоре после смерти матери. Тогда, в нищете, отец, не умевший ухаживать за ребенком, чуть не плакал, когда маленький Гао Цзюнь едва не упал с кровати. Но тогда была безысходность, а сейчас?

Сердце Гао Цзюня упало.

— Сяо Цзюнь... нас обманули! Мы разорились! У-у-у...

— Разорились? Да откуда у нас состояние, чтобы разоряться?

Отец Гао, всхлипывая, рассказал все как есть. Приложение Деньги пришли исчезло. Весь миллион основного капитала и месячный бонус растворились в воздухе. Бесследно.

Гао Цзюнь почувствовал, как мир качнулся. Он судорожно схватил телефон и вбил название приложения в поиск. Результат поверг его в отчаяние. Исчезло все: и официальные данные, которые он проверял раньше, и упоминания на форумах. Слово этого приложения никогда не существовало.

— Как же так?!

Гао Цзюнь метался по комнате, как раненый зверь, лихорадочно листая экран телефона, пока рука не бессильно опустилась.

— Знал бы — вывел бы все деньги еще в прошлом месяце...

Отец Гао за эти дни пережил настоящие эмоциональные качели, но не слег только потому, что надеялся на богатого зятя. Видя состояние сына, он решил использовать слезы как инструмент убеждения.

— Сяо Цзюнь... вернись к Цзихэну, начни жить нормально. Деньги — дело наживное. Всего миллион, посмотри, сколько ты за два месяца заработал. Впредь просто храни деньги в банке...

Гао Цзюнь не хотел его слушать. Махнув рукой, он буркнул:

— Хватит. Я посплю.

Он рухнул на кровать и накрылся одеялом с головой. Отец Гао посидел в тишине, а потом, понурившись, поплелся на кухню готовить еду.

Тем временем Хэ Е получил от Гао Цзюня порцию темной энергии. В сумме с тем, что удалось собрать за последние два дня, вышло 1020 очков. Преодолев отметку в тысячу, Хэ Е был в отличном настроении.

Узнав от Моки, что Гао Цзюнь сбежал в родительский дом, он просматривал досье на всех друзей Гао Цзюня. Быстро пролистав, он выбрал троих и отбросил остальные.

— Оставь только этих троих, — его голос звучал ровно.

Через некоторое время он погладил Моку по животику, с наигранным сочувствием вздохнув:

— Дадим ему еще два дня. Пусть немного передохнет.

Мока взглянула на черные, как бездна, глаза хозяина, в которых поблескивал азартный огонек. Притворство было высшего класса. Это напомнило ей человеческую поговорку: кот плачет по мышке, которую сам же и съест.

Гао Цзюнь пробыл у отца два дня и вернулся. Жить у отца было невыносимо: тот постоянно попрекал его, а при виде его опухшего лица Гао Цзюнь не мог отделаться от мыслей о потерянных деньгах, что вызывало лишь гнев. Но бросить отца он не мог — все-таки не был последней сволочью.

Пришлось возвращаться в дом, где его ждал мужчина, внушавший страх и ставший единственной опорой.

Неужели он и правда стал зависеть от Ли Цзихэна? Гао Цзюнь усмехнулся про себя. Зная, что тот все еще не простил его и заблокировал карту, ему пришлось поджать хвост. Впрочем, он уже привык прислуживать — оставалось лишь стать еще покорнее. Когда он сам растоптал свою гордость, адаптироваться к унижению стало даже проще.

Гао Цзюнь пытался заикнуться о поиске работы, но получил резкий отказ. Бунтовать он не смел, о разводе и не заикался — у него даже не было денег на адвоката.

Отец Гао, распродав все свои люксовые вещи, не мог привыкнуть к нищете. Его богатые друзья продолжали звать его на встречи, и он, не желая терять лицо, давил на Гао Цзюня, требуя денег.

— Где я их возьму?! Ли Цзихэн заблокировал мою карту! — кричал Гао Цзюнь в трубку.

Отец не унимался:

— Если не можешь сам, я сам попрошу у Ли Цзихэна! Неужели он позволит семье своего мужа голодать?

Гао Цзюнь в бешенстве, но делать нечего — пришлось занимать у друзей. Раньше, когда он швырялся деньгами, вокруг него вились толпы, но стоило попросить в долг, как большинство начали мямлить или просто сбрасывали звонки. Только трое согласились помочь.

После разговоров он в ярости удалил номера остальных и заблокировал их в соцсетях.

Переведя отцу 20 тысяч, он наказал ему быть экономнее, но покоя на душе не было. Эти три месяца после свадьбы стали для него и самыми счастливыми, и самыми несчастными. Счастливыми — потому что он почти дотянулся до миллиона и жил на широкую ногу. Несчастными — потому что все рухнуло, а он снова вынужден заглядывать в рот Ли Цзихэну.

Весь мир Гао Цзюня вращался вокруг Ли Цзихэна, и от этого он смертельно устал. Его тяжелый характер был невыносим. Поэтому, когда Хань Дин позвал его развлечься, Гао Цзюнь согласился, не раздумывая.

Лишь позже он вспомнил, что нужно отпроситься у Ли Цзихэна. Дрожащими руками он набрал номер.

— Цзихэн, друзья зовут меня, можно я пойду? — пролепетал он.

Хэ Е помолчал, а затем ответил:

— Можно. Но, Гао Цзюнь, я доверяю тебе, и ты должен быть достоин этого доверия.

Гао Цзюнь опешил.

— Что ты имеешь в виду?

Почувств его раздражение, тон на том конце стал мягче:

— Ничего особенного. Можешь пользоваться той картой, что от банка. Только вернись пораньше.

Звонок оборвался. Недовольство Гао Цзюня мгновенно улетучилось, сменившись чем-то похожим на благодарность. Ли Цзихэн все-таки любит его! Даже когда выяснилось, что с этой карты нельзя снять наличные, он не расстроился. Это был знак — скоро все запреты снимут.

Хань Дин обычно звал его в бары. В густой ночной атмосфере, под грохот музыки, Гао Цзюнь чувствовал, как оживает. Поначалу он отказывался от внимания девушек, но вскоре привык и полюбил это чувство — когда им восхищаются, когда его убажают. Здесь, в отличие от дома, его растоптанное самолюбие вновь возносилось на пьедестал.

Алкоголь кружил голову, девушки шептали комплименты, и Гао Цзюнь чувствовал, что наконец-то живет. Он возвращался домой до прихода Ли Цзихэна, пил литры газировки, чтобы сбить запах перегара, и предстал перед супругом трезвым и услужливым.

Вскоре его стали контролировать меньше, и карта позволила снимать наличные — до десяти тысяч. Для Гао Цзюня это было спасением.

Хэ Е был занят: после реорганизации цепочек поставок компании он лично инспектировал исследовательский институт. Результаты были плачевными — деньги тратились впустую, а разработки были оторваны от реальности. Хэ Е не был филантропом. Он закрыл текущие проекты и указал им новое направление — производство противораковых препаратов.

— Но... — руководитель института был в замешательстве.

— Деньги будут. Кадры — это ваша забота. Но через год я хочу видеть результат. Иначе уволю всех и заменю новыми, — отрезал Хэ Е.

Руководитель побледнел, но Хэ Е это не волновало. Через пару дней Мока доложила, что почти весь состав института сменился.

— Хозяин, Гао Цзюнь в последнее время совсем пустился во все тяжкие, вы правда не будете вмешиваться? — спросила Мока.

Темная энергия продолжала поступать маленькими порциями. Гао Цзюнь был несчастен, и это был замкнутый круг: развлечения, пустота, давление дома, депрессия.

Хэ Е интересовало, чем именно занимается Гао Цзюнь.

— Он почти все время проводит в барах, пьет до беспамятства, а перед уходом домой вызывает рвоту. Сейчас он завел роман с одной из девушек, — доложила Мока.

— О? С девушкой? — Хэ Е усмехнулся.

Девушку звали Сяо Чжи. У нее была тяжелая судьба: нищета, родители-тираны, брошенная учеба, младший брат-паразит, который тянул из нее все деньги. Гао Цзюнь, чувствуя с ней родственную душу — оба были подавлены жизнью, — начал оказывать ей знаки внимания.

Он не собирался разводиться ради нее, просто хотел легкого романа. Ему нужен был выход для накопившегося стресса.

— Хозяин! Гао Цзюнь повел Сяо Чжи в отель! — радостно сообщила Мока.

Хэ Е посмотрел на часы и холодно улыбнулся:

— Отлично. Отправь сообщение брату Сяо Чжи.

Затем он взял телефон и позвонил отцу Гао и Ли Линь, приглашая их на ужин. Местом встречи он выбрал именно тот отель, где остановился Гао Цзюнь.

Сяо Бо, брат Сяо Чжи, получив сообщение от неизвестного, сначала хотел проигнорировать его — он был занят поисками денег, так как сестра перестала присылать их. Но, прочитав текст, он оживился. Собрав друзей, он во главе шумной компании двинулся к отелю.

<http://bllate.org/book/21638/2232756>